

**ОБ ИСТОЧНИКЕ ПЕРВОГО ПЕРЕВОДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СКАЗКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК****А.А.ГАСЫМОВА***Бакинский Государственный Университет*

Общепризнано, что увлечение русских литераторов первой четверти XIX века восточной тематикой и, конкретнее, азербайджанским фольклором было жизненной необходимостью и потребностью времени. Действительно, в указанный период в силу ряда причин тюркский Восток не только в этнографическом, экономическом и научном, но и в политическом аспекте находился в центре внимания деятелей русской литературы. Этому процессу не смог помешать даже исторически сложившийся в тот период факт военного противопоставления России с Турцией, впоследствии приведший к межнациональным войнам. В конечном счете умелое использование тюркского (турецкого и азербайджанского) фольклора в русской литературе и периодической печати отражал глубокий интерес России к событиям, происходящим в соседних восточных регионах.

Интерес к азербайджанскому фольклору на протяжении всего XIX столетия, естественно, не носил систематического характера. Популяризация устного народного творчества в принципе держалась на инициативе отдельных любителей русской романтической литературы. Признавая романтизм как «духовное стремление эпохи, как отражение основных потребностей XIX века и утверждение принципа самобытности и народности в литературе, русские писатели отдавали должное инациональной восточной литературе и, в частности, азербайджанскому фольклору.

Со второй половины 1820-х годов в освоении восточного и, в частности, азербайджанского фольклора московские журналы начинают догонять петербургские. Функцию, издаваемого в додекабристскую эпоху в Санкт-Петербурге, альманаха декабристов «Полярная звезда» после событий 14 декабря 1825 года, но уже в Москве взял на себя альманах «Северная лира на 1827 год», издаваемый С.Е.Раичем и Д.П.Ознобишиным. Этот альманах, хотя и вышел только один раз, но и это единственное издание привлекло внимание Пушкина своими «любопытными прозаическими переводами с восточных языков». В этом отношении ни один другой альманах не содержал такого количества ориентального материала, переводов поэзии и прозы с персидского, турецкого и арабского языков

как «Северная лира на 1827 год». Между тем альманах этот, как свидетельствует его титульный лист, был посвящен издателями «любителям и любителям отечественной словесности». В этом, как нам представляется, заключен особый смысл. Раич и Ознобишин считали восточную литературу и фольклор неотъемлемой частью отечественной культуры.

Для нас, азербайджанцев, особый интерес представляют те страницы альманаха «Северная лира», которые (пусть апосредственно) посвящены нашему фольклору. Речь идет об обширной работе Ознобишина «Отрывок из сочинения об искусствах», содержащей познавательные сведения о фольклоре разных народов Востока.

Напомним, что Ознобишин был признанным знатоком персидской культуры, и даже свой псевдоним Делибюрадер заимствовал из персидского языка (в переводе на русский язык слово это означает Сердце брата). В статье «Отрывок из сочинения об искусстве» Ознобишин говорит о фольклоре разных восточных народов и упоминает название иранского города Мазандаран, который особенно часто востребован в азербайджанском фольклоре (достаточно напомнить о таких характерных для азербайджанского фольклора выражениях, как «Xalxa it hürsə, bizə Mazandaran çaqqalı ulayır», «Mazandaran eşşəyi», «Ölmək üçün Mazandarana getməli», а также о связанных с этим городом различных историях). Одну из таких историй и пересказывает Ознобишин. Это история шаха, взошедшего на престол после смерти отца и решившего, что ему нет равных по мудрости. В этот момент к одному из придворных обращается странствующий певец и заявляет: «Я певец, пришедший из Мазандарана, если шаху угодно изведать мое искусство, то пусть повелит допустить к себе». Будучи допущен к шаху, певец этот начинает восхвалять Мазандаран, утверждая, что «область наполнена обильными яствами», «невозможно исчислить сокровищ, там собранных», «кто там не обитает, неизвестны тому ни радость, ни веселие и совершенно незнакомы забавы». Эта несвязная и, где-то абсурдная тирада вызывает абсолютно непредсказуемую реакцию шаха, эмоционально воскликнувшего: «На Мазандаран хочу я идти войною...; мир должен повиноваться увенчанному!» (3, с. 210). Таким образом, город, хотя и находящийся вне пределов Азербайджана, но ставший в силу ряда причин притчей во языцах в азербайджанском фольклоре, оказался точно также анекдотически представленным на страницах русского литературного альманаха.

Азербайджанский фольклор, хотя и является частью общетюркского, отличается особой жанровой и тематической насыщенностью. Это, возможно, идет от своеобразного азербайджанского менталитета, характеризующегося особой близостью каждого индивидуума к устному народному поэтическому творчеству.

Как известно, в азербайджанской поэзии и сегодня, в начале двадцать первого века, не последнюю скрипку играют ашуги, «народные певцы - поэты», которые импровизируют свои песни, исполняя их под

аккомпанемент струнного инструмента (саза)». Творчество ашугов возвращено фольклором, на котором оно и основывается.

С начала XIX века Азербайджан оказался в сфере интересов Российской империи и в результате двух мирных договоров - Гюлистанского 1813-ого и Туркменчайского 1828-ого годов значительная часть территории Азербайджана, называемая Северным Азербайджаном, оказалась в составе Русского государства. Это явилось первой причиной появления в русских литературных кругах интереса к азербайджанскому фольклору.

Этот интерес не ослабевал и на протяжении всего XIX столетия. Так, в первой половине XIX века газет, журналов и книг по общей и частной этнографии, предназначенных для широкого круга читателей, было крайне недостаточно. Статей, непосредственно связанных с устным народным творчеством, в периодической печати практически не было. Этот пробел был восполнен позднее, во второй половине девятнадцатого столетия, и он теснейшим образом был связан и с восточной политикой России, и с географическим положением Северного Азербайджана. С 1881 года начали выходить «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», с 1889 года - «Этнографическое обозрение». Подчеркнем, что в первой половине XIX столетия этнографические темы редко становились предметом публичных лекций; далеко не всегда интерес публики вызывали этнографические выставки и музеи. К популяризации азербайджанского фольклора в России активно подключилась кавказская интеллигенция, внесшая к середине XIX столетия большой вклад в дело собирания фольклора.

Важную роль в распространении азербайджанского фольклора в России сыграли, с одной стороны, воспитанники Закавказской учительской семинарии, владевшие русским языком на высоком уровне и переводившими на этот язык образцы национального фольклора, а, с другой, - сотрудники таких русскоязычных Бакинских газет и журналов, как «Новое обозрение», «Кавказ», «Закавказье», «Джигит» и «Каспий», помещавшие на страницах своих изданий отдельные заметки и исследования о произведениях азербайджанского устного народного творчества.

Отмеченный в первой главе фактор зарождения и утверждения русского востоковедения, происходивший именно в период включения Северного Азербайджана в состав Российской империи, оказался второй причиной указанного интереса.

Вышеуказанные причины оказались столь вескими, что уже в 1825 году (т.е. в период между двумя вышеназванными договорами) в декабристском альманахе «Полярная звезда», издаваемом лидерами дворянских революционеров, появилась восточная повесть «Деревянная красавица» с пометкой: «С татарско-азербайджанского наречия перевел О.И.Сенковский» (2, с 123-125). Публикация азербайджанской сказки на страницах именно декабристского издания вполне закономерна, поскольку декабристы, как это будет показано далее, сыграли особую роль в ис-

тории восприятия и освоения азербайджанского фольклора в России.

История знает немало примечательных примеров уважения и взаимопонимания русского и азербайджанского народов. Ведь декабристы-литераторы живо интересовались жизнью, историей и культурой народов Закавказья. С большой любовью изучая кавказский быт, обычаи и нравы, прогрессивные декабристы в России, конечно же, не могли игнорировать исторические корни азербайджанского языка и в особенности литературы. А истоки любой инонациональной литературы, и это давно и хорошо известно, всегда тесным образом связаны с народными верованиями, представлениями, словом, с устным народным творчеством. Потому и не вызывает удивления тот факт, что в «Полярной звезде» и некоторых других столичных альманахах и различных журналов появлялись публикации, в которых были использованы образцы азербайджанского фольклора. Более того, глубокое уважение русских декабристов к судьбам народов Северного Кавказа и Закавказья, некоторое участие наиболее прогрессивных личностей в кавказских событиях сказались в произведениях целого ряда дворянских революционеров.

Вышеуказанная публикация Сенковского примечательна во многих отношениях. Во-первых, внимание привлекает тот факт, что издателями «Полярной звезды» были, пожалуй, самые яркие представители декабристской литературы, - К.Ф. Рылеев и (что особенно важно) А.А. Бестужев, который позднее, в 1830-ые годы, прославился своими кавказскими повестями и очерками, подписанными, ставшим знаменитым псевдонимом Марлинский, и написанными большей частью на азербайджанском материале с использованием (помимо прочего) тем и сюжетов азербайджанского фольклора.

Во-вторых, интерес представляет и личность переводчика. Сенковский уже в пушкинскую эпоху считался крупным специалистом в области языков и литературы Востока. Скупой на похвалу А.С. Пушкин, не очень жаловавший Сенковского за его идеологическую неразборчивость, писал: «В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные». Несколько ранее, сразу после выхода в свет «Деревянной красавицы» (и, можно предположить, именно по прочтении этой сказки) Пушкин в письме рекомендовал А.А.Бестужеву «держаться за ворот этого Сенковского», именно из-за его познаний в ориентальном мире.

Сенковский неплохо разбирался в тюркской культуре и для своих ориентальных произведений придумал себе соответствующий тюркский псевдоним - Тютюнчу-оглу, т.е. сын табачника.

Помимо этого, в литературном наследии Сенковского одно из видных мест занимает повесть «Турецкая цыганка» (4, с. 378-406), изобилующая образами ориентальной лексики, и в первую очередь, тюркизмами (шербет, сюрюджи, пилав, кебаб, чалма, Магометов рай, кальян, визирь, мангал, ичоглан, турчанка, турчане, янычар, чубук, овраль, гурия, султаниша, каик, султан, кади, керваз, мечеть, башлык)

Эти глубокие познания в области тюркской культуры были результатом упорной многолетней работы в архивах и книгохранилищах, где Сенковский, видимо, и нашел вышеназванный материал, опубликованный в «Полярной звезде».

В «Деревянной красавице» Сенковский рассказывает о том, как четыре попутчика - соответственно, ваятель, серебряник, портной и дервиш шли домой в индийский город Дели и вынуждены были заночевать в безлюдном лесистом месте. Чтобы почивать, не опасаясь нападений со стороны зверей или разбойников, они решили по очереди охранять сон спящих товарищей. По жребию первым дежурил ваятель, вырезавший из деревянного обрубка красивую статую женщины; вторым - портной, приодевший ее; третьим - серебряник, украсивший ее драгоценностями; четвертый - дервиш, который мольбами просил Аллаха оживить её.

Роль дервиша особенно интересна с точки зрения исследователя фольклорных связей. Во-первых, она гораздо более пространнее по сравнению с искусным мастерством предыдущих попутчиков. Стоит обратить внимание на тот факт, что в этой сказке ваятель, серебряник и портной занимаются только естественным творчеством, в котором их «золотые» руки становятся главным помощником. А дервиш «берёт» не только естеством, но и колдовством. Надо полагать, что публикация этой азербайджанской сказки Сенковским была далеко не случайной. Действия первых трёх попутчиков и дервиша в отдельности являют собой неписанный закон мудрости коллективного народного творчества: умение сотворить привлекательный сказочный облик внешне красивым, но вполне ясным и простым слогом. Кропотливая обстоятельность действий ваятеля, серебряника и портного, по нашему усмотрению, уничтожает в русскоязычном читателе всякое сомнение в истине народного повествования; создаётся впечатление, что если бы это не было так реально и осязаемо, вряд ли бы фантазия наших восточных предков потратила бы на все эти подробности столько труда.

С другой стороны, дервиш противопоставлен всем трём своим друзьям тем, что владеет только чудотворчеством. Заметим, что ленивый дервиш рисуется сказочниками с гораздо большим налётом иронии по сравнению с честным трудом предыдущих героев. Это ощущается даже и в самом стиле сказки: «Лишь очнулся дервиш от сна, тотчас умылся песком для того, чтобы восстановить тело своё в первобытную чистоту. Прочёл один намаз по обряду, а четыре в запас для всякого случая. Произнёс девяносто девять божеских имён и сорок четыре имени пророка и, наконец, позёывая, начал рассуждать о небесном счастье и прекрасных райских краях, где для каждого богобоязненного человека цветёт роскошный сад, дышащий благовонным воздухом, красующийся очаровательными для взора и вкуса плодами» (2, с. 123).

Склонный к пустому времяпровождению, дервиш принимается за любую работу только после маниловских мечтаний: «Там ждут его семьдесят великолепных палат и в каждой палатах семьдесят пышных покоев,

и в каждом покое семьдесят царских кроватей, на которых возлежат прелестные гурии...». Эффект от этих мечтаний достигается также и приёмом гиперболизации: «... если бы хоть одна (из гурий) явилась на землю в час глубокой ночи, то блеск её прелестей так бы и озарил небосклон ... и семьдесят солнц вместе не могли бы с тем поравняться».

Несмотря на то, что дервиш в известном смысле слова владеет искусством колдовства, из приведённых отрывков становится очевидным, что этот сказочный персонаж – самый обыкновенный человек, средних способностей, ленивый, праздно мыслящий и мечтательный. О чём он думает и чувствует, на его месте мог бы ощущать вполне обыкновенный земной человек. Если дервиш, как ваятель, серебряник и портной имел бы какое-нибудь решительное пристрастие к природе или какое-либо действительное положительное дарование к механическим искусствам и ремёслам, то сказка, возможно, выиграла бы несколько отдельных картин. Но в этом случае, нам кажется, всё повествование потеряло бы свою привлекательность, а русский читатель журналов и альманахов не узрел бы от Сенковского ничего особенного в аспекте популяризации азербайджанского фольклора. Привлекает именно наивность, мечтательность и простота дервиша, не умудрённого в науках, ремёслах и искусстве, но пытающегося оживить деревянную куклу. Вот характерный пример направления мысли сказочного героя:

«Утопая в стихиях столь обольстительных мечтаний, дервиш ненароком взглянул вокруг себя и с изумлением увидел образ красавицы, подле него лежащей. Нет иного божества, кроме бога, а Мухаммед - пророк бога! – воскликнул он в восторге. – Без сомнения, небо ниспослало мне райскую жительницу в награду за точное исполнение всех обрядов веры избранного пророка». Однако, случайно оказавшийся поблизости дух зла Бедлах, оживляет ее.

В финале этого произведения каждый из четверых попутчиков предъявляет свои права на ожившую немую красавицу, и, не сумев разрешить спор, по прибытию в Дели, обращается к кади. Кади при виде девушки заявляет, что, это, якобы, его сбежавшая рабыня, и, обвинив четверых попутчиков в разных грехах, прогоняет их, а слугам приказывает отвести девушку в собственный гарем. Это возмутило духа зла Бедлаха, и он снова превращает девушку в бездушное дерево, а кади делает сумасшедшим.

Исследователи русско-азербайджанских литературных взаимоотношений Ш.К.Курбанов, М.З.Садыхов, А.Дж.Гаджиев и другие (5) анализируя, переведенную Сенковским «с татарско-азербайджанского наречия» «Деревянную красавицу», старались найти ее аналог в азербайджанском фольклоре. Отдавая дань уважения исследованиям названных ученых, отметим, что им не удалось найти азербайджанский оригинал этого перевода. Возможно, это объясняется тем, что искали сказку именно с таким названием.

Нам повезло больше. В сборнике «Азербайджанские сказки», составленном Нуреддином Сеидовым (1, с.140), мы обнаружили азербайджанскую сказку «Золотой подсвечник», во вставной сказке к которой описана схожая ситуация.

Здесь также речь идет о попутчиках, вынужденных заночевать в ле-

су (отличие только в том, что попутчиков не четверо, а трое). Боясь нападения зверей, они жребием определяют очередность, в которой они должны охранять сон спящих товарищей. Первым бодрствует столяр, выстрогавший из дерева статую девушки; вторым - портной, приодевший ее; третьим - врач, с помощью зелья ожививший ее. Как и в «Деревянной красавице», попутчики начинают спор о том, кому она должна прежде всего принадлежать. Сказка завершается, обращенным к золотому подсвечнику, вопросом: «кому из трех должна принадлежать девушка?». Итак, нами найден примерный азербайджанский аналог, сказки, переведенный Сенковским.

Общепризнанно, что литературному произведению, созданному на фольклорной основе, свойственна различная степень близости к последней. Если писатель (как в случае с «Деревянной красавицей») создает произведения на фольклорном сюжете, то можно говорить об общности приёмов и принципов. В этом случае литературное произведение приобретает связь с фольклорной традицией. Иными словами, хотя Сенковский и обозначил жанровую принадлежность публикации как «восточная повесть», логичнее было бы, по нашему разумению, назвать ее «литературной сказкой». Именно общность с азербайджанской народной сказкой позволяет прийти к такому выводу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycan nağılları. Tərtib edəni N.Seyidov. Bakı, 1961.
2. «Полярная звезда на 1823-1825 годы». Москва, 1960.
3. «Северная лира на 1827 год». Москва, 1986.
4. Сенковский О.И. Сочинения. Москва, 1989.
5. «Язык и литература», журнал, 2006, № 2(50), с. 81-84.

AZƏRBAYCAN NAĞILININ RUS DİLİNƏ TƏRCÜMƏ OLUNMUŞ İLK NÜMUNƏSİ HAQQINDA

A.A.QASIMOVA

XÜLASƏ

Məqalədə ədəbiyyatşünaslığımızda ilk dəfə 1825-ci ildə O.İ.Senkovski tərəfindən «taxta gözəl» başlığı altında tərcümə edilmiş Azərbaycan nağılının mənbəyi aşkar olunur, müəllif sübut edir ki, O.İ.Senkovski Azərbaycan nağılı «Qızıl şamdan»ı rus dilinə çevirmişdir.

ABOUT TRANSLATION OF THE AZERBAIJAN FAIRY TALE INTO RUSSIAN

A.A.QASIMOVA

SUMMARY

In article for the time in our literary criticism was established fundamental principle of translated in 1825 by O.I.Senkovsky Azerbaijan fairy tale "The Wooden beauty". As the author proves, O.I.Senkovsky has translated the Azerbaijan fairy tale "The gold candlestick".